

Глава первая

*Что было однажды,
может случиться дважды.*

Из дневника Арриэтты. 19 марта

Ну кому ещё было выяснять судьбу добываек, как не Кейт?

Много лет спустя, будучи уже совсем взрослой, она записала их историю для своих четверых детей, собрав её по крупицам, как собирают материал для исторических или биографических книг. Кое-что она помнила сама, кое-что ей рассказали другие, а кое-что — лучше уж сразу признаться в этом — просто придумала. Самой примечательной находкой, подтверждающей рассказ Кейт, была крошечная старомодная записная книжечка с золотым обрезом, найденная ею в доме лесника в поместье Стаддингтонов неподалёку от Лейтон-Баззарда в Бедфордшире.

Старый Том Доброу, лесник, всегда был противником записи истории добываек на бумаге, но, поскольку он давным-давно умер и лежал тихо и спокойно в могиле, а дети Кейт росли вовсе не тихими

и далеко не спокойными, она решила, что, если б остался в живых, наверное, преодолел бы своё предубеждение, понял её и простил. Так или иначе, но по некотором размышлении Кейт решила рискнуть.

Когда она была ещё девочкой и жила с родителями в Лондоне, кров разделяла с ними одна старая дама (думаю, их дальняя родственница), миссис Мей. Долгими зимними вечерами они сидели перед камином, и миссис Мей учила Кейт вышивать тамбуром. Именно тогда она впервые и рассказала девочке о добывайках.

В ту пору Кейт и в голову не приходило сомневаться, что они существуют на свете — эти маленькие человечки, как две капли воды похожие на настоящих людей, — и живут, никому не видимые, под полом и за деревянной обшивкой стен в некоторых тихих старых домах. Лишь позднее Кейт стали одолевать сомнения. (И совсем напрасно, как вы узнаете из последующих глав. Ей предстояло узнать о куда более диковинных вещах и куда более непредвиденных и необычайных событиях, чем те, что могла себе представить миссис Мей.)

Всё, что миссис Мей поведала Кейт о добывайках, было рассказано с чужих слов. Старая дама созналась — и даже приложила немало трудов, чтобы убедить в этом Кейт, — что сама никогда в жизни не видела ни одного добывайки, а узнала об этом народе из вторых рук, от младшего брата, мальчика, обладавшего на редкость живой фантазией и — как это всем было известно — привычкой

дразнить сестёр. Да, решила Кейт, раздумывая об этом на досуге, хочешь — верь, хочешь — нет.

И сказать по правде, почти целый год после того, как миссис Мей впервые рассказала ей о добывайках, Кейт скорее склонялась к тому, чтобы не верить: иные увлечения отодвинули добываек на задний план. За этот год она перешла в другую школу, завела новых подруг, получила в подарок собаку, начала кататься на коньках и научилась ездить на велосипеде, поэтому у неё и в мыслях не было никаких добываек, когда однажды утром за завтраком ранней весной миссис Мей протянула ей через стол письмо, сказав при этом (Кейт и внимания не обратила, как взволнованно звучит её обычно спокойный голос):

— Я думаю, Кейт, это тебя заинтересует.

Письмо ничуть её не заинтересовало. Кейт дважды перечитала его, но так ничегошеньки и не поняла. Написано оно было поверенным из фирмы «Джобсон, Тринг и Зловрединг»; в нём было полно длинных слов вроде «завещание» или «наследование», и даже слова среднего размера соединялись друг с другом таким странным образом, что казались Кейт совершенно бессмысленными (что, например, могло означать «нежилое жильё»? Сколько ни думай, смысла тут не найдёшь). А уж имён там было! И Стаддингтон, и Доброу, и Эмберфорс, и Поклинтон, и целое семейство по фамилии Усопшие, которая почему-то писалась с маленького «у».

— Большое спасибо, — вежливо сказала Кейт, возвращая письмо.

— Я подумала, может быть... — сказала миссис Мей (и тут наконец Кейт заметила, что щёки старой дамы порозовели, словно от смущения), — может быть, ты захочешь поехать со мной.

— Поехать... куда? — спросила Кейт с недоумевающим видом.

— Кейт, милочка! — воскликнула миссис Мей. — Зачем же я показывала тебе письмо? В Лейтон-Баззард, естественно.

Лейтон-Баззард? Много лет спустя, когда описывала эту сцену своим детям, Кейт говорила, что при этих словах сердце её быстро-быстро забилося ещё раньше, чем до сознания дошёл их смысл. «Лейтон-Баззард... знакомое название... Да, так называется небольшой городок где-то... где-то, кажется, в Бедфордшире».

— Туда, где был дом моей двоюродной бабушки, тёти Софи, — подсказала ей миссис Мей. — Туда, где, по словам моего брата, он видел добываек. — И не успела Кейт прийти в себя от изумления, миссис Мей добавила деловым тоном: — Мне оставили по завещанию небольшой домик в поместье Стаддингтонов — том самом, где стоит большой дом, и... — Тут она ещё сильнее покраснела, словно то, что хотела сказать, казалось ей самой почти чудом. — И триста пятьдесят фунтов. Хватит на полный ремонт.

Кейт молчала и, прижав стиснутые руки к груди, словно стараясь сдержать неистовые удары сердца, во все глаза смотрела на миссис Мей.

— А мы увидим этот дом? — спросила она наконец охрипшим вдруг голосом.

— Конечно, потому-то мы и едем туда.

— Я хочу сказать — большой дом, дом тёти Софи?

— А, Фэрбанкс-Холл, как его раньше называли? — У миссис Мей был немного озадаченный вид. — Не знаю: возможно, нам и удастся туда попасть, — всё зависит от того, кто там сейчас живёт.

— Всё равно, — продолжила Кейт, стараясь взять себя в руки. — Даже если мы не попадём внутрь, вы ведь можете показать мне решётку под кухней и склон, где гуляла Арриэтта, а если приоткроют хоть самую чуточку входную дверь, место, где стояли часы? Просто быстренько ткнёте пальцем... — И так как миссис Мей всё ещё колебалась, Кейт вдруг горячо добавила: — Вы же сами верили в них, разве нет? Или это была, — её голос дрогнул, прервался, — просто сказка?

— Ну и что из того? — быстро проговорила миссис Мей. — Ведь это была хорошая сказка. Не понимай всё буквально, девочка, и не теряй способности верить в чудеса. В конце концов, всё, в чём сами мы не участвовали, о чём нам рассказывали, кажется сказкой. Единственное, что мы можем в таких случаях, — это быть внимательными, смотреть на вещи непредвзято и тщательно просеивать факты.

«Тщательно просеивать факты? Что ж, как раз фактов-то, — подумала Кейт, немного успокаиваясь, — предостаточно».

Ещё до того, как миссис Мей впервые заговорила о добывайках, Кейт подозревала, что они существуют. Как иначе объяснить постоянное и непостижимое исчезновение всевозможных мелких предметов? И пропадали не только французские булавки, иголки, карандаши, промокашки, спичечные коробки и тому подобные вещи. Как ни мало прожила на свете, Кейт уже успела заметить, что стоит не заглядывать в ящик комода несколько дней, как, открыв его, обязательно чего-нибудь недосчитаешься: лучшего носового платка, единственной длинной иглы, сердоликового сердечка, счастливой монетки... «Но я точно знаю, что положила её в этот ящик!» Сколько раз она сама произносила эти слова, сколько раз слышала их от других! А уж что до чердака... «Я абсолютно уверена, — чуть не плача, говорила ей мама ещё на прошлой неделе, стоя на коленях перед открытым сундуком и безуспешно пытаюсь найти там пряжки от туфель, — что положила их в эту коробку вместе с веером из страусовых перьев. Они были завёрнуты в лоскут чёрного сатина, и я сунула их сюда, возле ручки...» И то же самое с ящичками от секретера, со швейными шкатулками, коробочками для пуговиц. В баночке с заваркой всегда оказывалось меньше чая, чем накануне вечером, куда-то исчезал рис, если уж об этом зашла речь, и кусковой сахар. Да, решила Кейт, фактов у неё хоть отбавляй, только как их просеять?

— Я полагаю, — сказала она задумчиво, принимаясь складывать салфетку, — какие-то дома для них подходят больше, какие-то — меньше.

— В некоторых домах их вообще нет, — сказала миссис Мей. — По словам брата, больше всего, как ни странно, они любят жить там, где порядок. Он много раз мне говорил, что добывайки пугливы, им надо точно знать, где что лежит и чем скорее всего будет занят тот или иной обитатель дома в то или иное время. В безалаберных, шумных домах, где хозяйство ведётся кое-как, можно, представь себе, бросать вещи где попало, и ничего не пропадёт — я имею в виду, по вине добываек.

Миссис Мей коротко рассмеялась, а Кейт вдруг спросила:

— А могут добывайки жить под открытым небом?

— С трудом. Они нуждаются в нас. Им требуются для жизни те же вещи, что и людям.

— Я вот думала о Поде, и Хомили, и маленькой Арриэтте. Когда их выкурили из-под кухни, что с ними стало, как вам кажется?

— Я и сама часто спрашиваю себя об этом.

— Неужели Арриэтта осталась последней из добываек, как говорил ваш брат?

— Да, так он и сказал: самая последняя, единственная на свете. От всего сердца надеюсь, что он был не прав. С его стороны гадко было так говорить, — задумчиво добавила миссис Мей.

— Не представляю только, как они перебрались через поля... Как вы думаете, им удалось в конце концов найти барсучью нору?

— Кто знает? Я ведь рассказала тебе ту историю с наволочкой: ну, когда сложила в наволочку всю мебель из кукольного дома и отнесла к барсучьей норе.

— И как вы почувствовали запах тушёного мяса, да? Но это ещё не значит, что наши добывайки — Под, Хомили и Арриэтта — добрались туда. Ведь в барсучьей норе жили их родичи, не правда ли? Эти Хендрири? Может, это они готовили еду?

— Конечно, — сказала миссис Мей.

Несколько минут Кейт молчала, погрузившись в раздумья, но вот лицо её просияло, и, повернувшись на табурете вокруг своей оси, она воскликнула:

— Если мы поедem туда на самом деле, то где будем жить? На постоялом дворе?

Глава вторая

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Из дневника Арриэтты. 24 марта

Но ничто не бывает таким, каким мы это себе представляем. В данном случае это относится к постоялому двору и — увы! — к дому тёти Софи. Ни то, ни другое, по мнению Кейт, не было таким, каким ему следовало быть.

На постоялый двор (как теперь говорят — в гостиницу) следовало приезжать поздним вечером, а не в три часа пополудни, желательно в дождь, а ещё лучше в грозу, и стоять он должен на вересковой пустоши (унылой и мрачной, как полагается её называть). Хозяин там должен быть толстый, в мятом, запачканном соусом переднике; из кухни должны выглядывать повара, а перед очагом должен стоять в полном молчании, грея у огня руки, высокий темноволосый незнакомец. А уж огонь там — всем огням огонь: огромные поленья в очаге и ослепительное пламя, с треском и гулом устремляющееся в трубу. Над огнём, чувствовала Кейт, должен быть подвешен котёл... Неподалёку для завершения картины — так, во всяком случае, представлялось ей — должны лежать собаки.

Но в действительности ничего этого не оказалось.

За конторкой сидела молодая женщина в белой блузке, которая записала их имена в книгу приезжих. Были там две официантки: Морин (блондинка) и Маргарет (тихая, как мышка, в выпуклых очках) — и пожилой официант, у которого волосы сзади были совсем другого цвета, чем спереди. В камине лежали не поленья, а искусственные угли, которые неустанно лизал жалкий язычок электрического света, и (это было хуже всего) вместо высокого темноволосого незнакомца перед камином стоял поверенный мистер Зловрединг (его имя так и произносилось: Зло-врединг) — кругленький, розовенький, но

какой-то удивительно холодный на вид — наверное, из-за седых волос и серых глаз.

Однако снаружи светило яркое весеннее солнце, и Кейт понравилась её выходящая на рыночную площадь спальня со шкафом красного дерева и умывальником с холодной и горячей водой. А завтра, знала она, они увидят дом — этот легендарный, таинственный дом, который неожиданно стал реальным, не воздушный замок, а строение из настоящих кирпичей и извёстки, которое находится всего в двух милях от них. Достаточно близко, подумала Кейт, чтобы можно было прогуляться туда после чая, если только миссис Мей не будет так долго разговаривать с мистером Зловредингом.

Но когда на следующее утро они туда наконец пошли (миссис Мей в длинном пальто, похожем на охотничье, с вишнёвой тростью, подбитой снизу резиной), Кейт была разочарована. Дом оказался ничуть не похож на то, что она себе воображала: просто длинный барак из красного кирпича с двумя рядами блестящих окон, смотревших на неё словно слепые глаза.

— Со стен сняли плющ, — сказала миссис Мей, не в силах скрыть удивления, однако через минуту оправилась и добавила более бодрым тоном: — И правильно сделали: ничто так не разрушает кирпичную кладку.

Они зашагали к дверям по подъездной дорожке, и миссис Мей принялась объяснять Кейт, что этот

дом всегда считался ярким образцом архитектуры начала восемнадцатого века.

— Это правда было всё здесь? Именно здесь? — повторяла Кейт с недоверием в голосе, словно миссис Мей могла забыть.

— Ну конечно, милочка, что за глупый вопрос! Вот тут, возле ворот, росла яблоня — яблоня с жёлто-коричневыми яблоками... И третье окно слева, то, с решёткой, — это моя спальня. Я спала там во все последние приезды сюда. Детская, понятно, с другой стороны. А вот огород. Мы с братом любили прыгать с этой ограды на кучу компоста. Я помню, однажды

Крампфирл сильно нас выбрал и померил стену метлой. Десять футов в высоту.

(«Крампфирл? Значит, он действительно существовал на свете...»)

Парадная дверь была распахнута. «В точности так, — подумала вдруг Кейт, — как много лет назад, в тот незабываемый для Арриэтты день, когда она впервые увидела «белый свет». Раннее весеннее солнце заливало недавно побелённые ступени и заглядывало в высокий тёмный холл. Солнечные лучи образовали сияющий полог, сквозь который ничего не было видно. Рядом с крыльцом Кейт заметила железную скобу для сапог. Та или не та, по которой Арриэтта слезала на землю? Сердце Кейт учащённо забилося, и она шепнула, в то время как миссис Мей дёрнула звонок:

— А где решётка?

— Решётка? — переспросила миссис Мей, делая несколько шагов назад, на гравийную дорожку, и оглядывая фасад дома, в глубине которого слышалось звяканье. — Вон там. Её починили, но это та же самая решётка.

Кейт направилась прямо к ней. Вот она, та решётка, через которую все они убежали — Под, Хомили и маленькая Арриэтта. На стене было зеленоватое пятно, несколько кирпичей выглядели более новыми, чем все остальные. Решётка была выше, чем она думала: им, должно быть, пришлось прыгать вниз. Подойдя вплотную, Кейт наклонилась и загля-

нула внутрь: сырость и темнота, больше ничего. Вот, значит, где они жили.

— Кейт! — тихо позвала миссис Мей у порога (так, должно быть, Под звал Арриэтту в тот день, когда она бросилась бежать по дорожке от дома).

И Кейт, обернувшись, увидела вдруг то, что сразу узнала, то, что, наконец, было в точности таким, каким представлялось ей в воображении, — склон холма, усыпанный первоцветом. Хрупкие зелёные стебли с сизым налётом среди повядшей прошлогодней травы и жёлтые, словно светлое золото, цветы. А куст азалии превратился в высокое дерево.

Миссис Мей снова позвала её, и Кейт вернулась к парадным дверям.

— Пожалуй, позвоним ещё раз.

Они снова слышали призрачное звяканье.

— Звонок подвешен возле кухни, — объяснила шёпотом миссис Мей, — прямо за дверью, обтянутой зелёной байкой.

(«Дверью! Обтянутой! Зелёной! Байкой!..» Кейт казалось, что миссис Мей произносит каждое слово с заглавной буквы.)

Наконец за солнечным пологом показалась какая-то фигура — неряшливая девица в мокром холщовом фартуке и стоптанных туфлях — и спросила, прищурив глаза от солнца:

— Да?

Миссис Мей приняла холодный и чопорный вид.

— Я хотела бы повидать хозяина этого дома.

— Мистера Досет-Пула, — уточнила девица, — или директора?

Она подняла руку ко лбу, прикрывая глаза от яркого света, так и не выпустив мокрой половой тряпки, с которой капала вода.

— О! — воскликнула миссис Мей. — Так это школа?

Кейт перевела дух: «Вот, значит, почему дом так похож на казарму».

— А что же ещё? — удивилась девушка. — Разве здесь не всегда была школа?

— Нет, — сказала миссис Мей. — В детстве я здесь жила. Быть может, позвольте мне войти и поговорить с тем, кто стоит во главе этого заведения?

— Здесь нет никого, кроме матушки, — пожала плечами девушка. — Она и сторожиха, и уборщица. Все разъехались на весенние каникулы — и учителя, и ученики.

— Ну, в таком случае, — нерешительно произнесла миссис Мей, — мы больше не будем вас задерживать...

Она уже повернулась было, чтобы уйти, когда Кейт, не желая сдавать позиции, обратилась к девушке:

— Можно нам заглянуть в холл?

— Да на здоровье, — с некоторым удивлением сказала девушка и чуть отступила в глубину, словно освобождая им путь. — Мне-то что.